

АМБАССАДОРЫ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: АНАЛИЗ АГЕНТНОСТИ ЛИДЕРОВ И АКТИВИСТОВ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ОПТИКЕ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ

Маргарита Астоянц, Татьяна Киенко

Маргарита Астоянц, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Россия. mastoyanc@sfnedu.ru.

Татьяна Киенко, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Россия. tschienko@sfnedu.ru.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00384 (<https://rscf.ru/project/26-18-00384>) в Южном федеральном университете.

Несмотря на системные усилия по продвижению политики активного долголетия в России, уровень общественного участия значительной части россиян старших возрастов остается низким. В статье раскрывается роль лидеров и активистов практик социального участия, принадлежащих к старшим возрастным группам, как амбассадоров активного долголетия, воплощающих его конструкты в живые повседневные практики. Цель исследования – выявить механизмы взаимодействия этих активистов с социальными структурами в оптике теории структуризации Энтони Гидденса и ее современных интерпретаций (Уильям Сьюэлл, Роб Стоунс). Дедуктивный тематический анализ 26 глубинных интервью с лидерами и активистами социальных практик в возрасте старше 65 лет из разных регионов России выявил сложную диалектику взаимодействия агентности и структур. Институты одновременно являются источником ограничений и ключевым ресурсом поддержки. Лидеры не вступают в конфликты со структурами, предпочитая стратегию прагматичного компромисса и «доставивания» формальных систем через креативные практики. Неравенство в доступе к ресурсам парадоксальным образом стимулирует агентность и мобилизацию альтернативных активов (волонтерство, бартер, социальный капитал). Агентность лидеров и активистов практик социального участия проявляется не столько в разрушении структур, сколько в творческой адаптации и «оживлении». Они выступают как «креативный класс», амбассадоры активного долголетия, используют, воспроизводят и трансформируют социальные структуры, конструируя новые модели и смыслы старения.

Ключевые слова: россияне старшего возраста; социальная активность; агентность; теория структуризации; структуризация; активное долголетие; лидеры и активисты старших возрастных групп

ВВЕДЕНИЕ: АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ

Тема социального участия людей старшего поколения становится популярной в социальной и научной повестке прежде всего благодаря политике и нарративам активного долголетия. Концепция «active aging», популяризированная Всемирной организацией здравоохранения в начале 2000-х годов, представляет собой комплексный подход к старению. Последний предполагает не только поддержание физического здоровья, но и активное участие людей старшего возраста в социальной, экономической и культурной жизни общества, а также обеспечение их безопасности и защиты. Эта рамка призвана сместить фокус с восприятия старения как периода потерь на видение его в качестве этапа для реализации потенциала и вклада в развитие общества; цель такого смещения – в преодолении структурных и возрастных неравенств, основанном на принципе «общества для всех возрастов» (см. *Active Ageing* 2002:51–52). Концепция активного старения стала значимым этапом в развитии политики возраста и признанным инструментом повышения качества жизни людей старшего возраста, их социального участия и интеграции.

Исследователи выделяют два ключевых аспекта политики активного долголетия: развитие институционального потенциала среды (внешний аспект) и развитие индивидуального потенциала пожилых людей (внутренний аспект) (Галкин 2022; Калачикова и др. 2023). Российскую политику часто критикуют за слабость институциональных условий и недостаток внимания к потенциалу самих старших. В свою очередь, европейский неолиберальный дискурс старения, несмотря на внимание к участию и интеграции, подвергается критике за эйджизм, сохранение структурного неравенства и сведение активности преимущественно к вопросам занятости и здоровья (Васильева 2024). Кроме того, исследователи указывают на риски превращения активности из возможности в необходимость (Григорьева и Богданова 2020) и эксплуатации идей активности как инструмента перекладывания ответственности за старость с государства, семьи, общества на самого стареющего «активного гражданина» (Bredewold et al. 2020; Lindberg and Lundgren 2019). Российские ученые отмечают также проблемы территориального и регионального неравенства (Фролова и Маланина 2021) и «нестабильность многих аспектов активного долголетия в России» (Синявская и Червякова 2022:112). Одной из самых обсуждаемых проблем является ограниченность инструментов измерения активного долголетия, прежде всего его качественных составляющих, динамических аспектов, и необходимость учета российской специфики (Калачикова и др. 2023; Парфенова и Галкин 2023; Синявская и Червякова 2022).

В России поворот к политике активного долголетия происходит с принятием в 2016 году стратегии действий в интересах граждан старшего поколения¹ (в определенной степени способствовавшей моральной легитимации пенсионной реформы 2018 года), хотя элементы такого подхода появились еще в конце 1990-х

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-п, <http://static.government.ru/media/files/7PvwIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf>.

годов². Системная целенаправленная политика активного долголетия, транслируемая в Стратегиях действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года и до 2030 года в федеральных проектах «Старшее поколение» (прежде всего в рамках национальных проектов «Демография» (2019–2024 гг.)³, «Семья» (2025–2030 гг.)⁴ и др.), региональных и муниципальных проектах, при всех своих достоинствах, сохраняет ключевое противоречие: предложения «сверху» обращены преимущественно к «молодым пожилым» и «видимым» формам активности, в то время как многие низовые практики социального участия остаются «невидимыми», оказываются как бы за рамками активного долголетия. В результате эта системная политика сталкивается с неоднозначной реакцией на местах: россияне старшего возраста могут вовлекаться в предлагаемые практики, отказываться от участия в них или выбирать собственные формы социальной активности.

Исследования демонстрируют, с одной стороны, более «богатый репертуар социальной активности и участия пожилых», чем это обозначается в структуре индексов активного долголетия (ИАД) (Парфенова и Галкин 2023:218), а с другой, «ригидность установок на пенсионный возраст и профессиональную занятость» (Носкова и Кузьмина 2024:79), «пробелы в мотивации следования принципам активного долголетия» (Киселев и др. 2025).

Разрыв между целями государственной политики и реальными установками людей указывает на ключевую роль социальных посредников – тех, кто преобразует формальные конструкторы государственной политики в живые повседневные практики, транслирует, адаптирует, создает собственные смыслы и формы социального участия. В этом качестве все большую роль и влияние приобретают принадлежащие к старшим возрастным группам лидеры и активисты практик самоорганизации, добровольчества, социальной активности как значимые субъекты развития территорий, трансляторы новых стратегий, культуры старения как участия и заботы, служения и творчества, обучения и развития (Григорьева и Келасьев 2020; Киенко и др. 2022; Ярская-Смирнова и Григорьева 2023; Ярская-Смирнова и Присяжнюк 2025). Именно их восприятие политики активного долголетия, опыт и инициативы, как мы полагаем, в значительной степени задают образцы и направления трансформаций стратегий старения россиян. Сказанное делает актуальным изучение механизмов «вхождения» политики активного долголетия в жизнь россиян посредством усилий и инициатив активистов и лидеров старших возрастных групп в оптике теории структуризации Энтони Гидденса.

² Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 883 «О федеральной целевой программе “Старшее поколение” на 1997–1999 годы», <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9553>.

³ Паспорт Национального проекта «Демография»: утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам протоколом от 24 декабря 2018 г. № 16, <http://static.government.ru/media/files/Z40MjDgCaeohKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf>.

⁴ Национальный проект «Семья»: утвержден Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», <https://ivo.garant.ru>.

ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Структура, по Гидденсу, это «правила и ресурсы, рекурсивно вовлеченные в воспроизводство социальных систем. Структура существует только [...] как воплощенная в действии» (Giddens 1984:377). Теория структурирования опирается на принцип дуальности структур (одновременно и средства, и результата социального производства и воспроизводства): «Структуры формируют практики людей, но именно практики людей конституируют (и воспроизводят) структуры» (Sewell 1992:4). Структурирование ограничивает, выступая «главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и пространстве», но также «создает возможности для действия» в силу принципа «диалектики контроля», оставляя «некоторые ресурсы, посредством которых “подчиненные” могут влиять на действия “подчиняющих”», «преобразовывать» правила и перераспределять ресурсы (Гидденс 2005:56–69). Уильям Сьюэлл (младший) расширил понимание дуальности структуры «изнутри», как двойственности виртуальных правил (схем) и ресурсов (нечеловеческих и человеческих) в их взаимосвязи: «наборы схем и ресурсов представляют собой структуры, только если они взаимно подразумевают и поддерживают друг друга»; в дополнение к теории Гидденса он выделил «пять ключевых аксиом: множественность структур, транспонируемость схем, непредсказуемость накопления ресурсов, многозначность ресурсов и пересечение структур» (Sewell 1992:13–16). Роб Стоунс предложил «сильную теорию структурирования» (strong structuration theory) и «четырёхчастную» аналитическую модель для эмпирического анализа практик (внешние и внутренние структуры, активность и результаты) в которой «субъект и объект, микро- и макроуровни, социальная структура и человеческая деятельность взаимосвязаны» (Greenhalgh and Stones 2010:1286). Дуальность относится не только к структурам, отношениям правил и ресурсов, но также к отношениям структур и агентов: структура является рекурсивной средой агентности, а агентность участвует в создании структуры (Stones 2001); «агенты наделены властью благодаря структурам, а также благодаря знанию культурных схем, которые позволяют им мобилизовать ресурсы, и доступу к ресурсам, которые позволяют им воплощать схемы в жизнь» (Sewell 1992:27). В этой оптике сама агентность понимается нами не как абстрактная свобода воли, а как способность акторов «вмешаться» в ход событий и «поступить иначе» (Giddens 1984:9), творчески переосмысляя и транспонируя усвоенные культурные схемы в новые контексты (Sewell 1992). Так, на поведение агентов влияют двойственные структуры (как средство и результат структурирования, как итог взаимосвязей и взаимозависимостей правил-схем и ресурсов), а «социальные субъекты как осведомленные, активные агенты могут точно воспроизводить социальные структуры или выбирать их изменения, поступая по-другому», «использовать» или «не пользоваться» ими в зависимости от контекста (Stones 2001:182).

На принципах теории структурирования изучаются вопросы институциональных влияний на агентность, структурных факторов, ограничивающих или рас-

ширяющих возможности участия, преемственности и разрывов в процессах социальных трансформаций. Так, переход к адресной помощи повышает требования к самооценке и рефлексивности клиентов и меняет функции социальных служб (Романычев 2021), механизмы социального исключения вытесняют из конструктивной социальной деятельности целые социальные группы (Дмитриева 2012), вовлечение в практики экономических, правовых, религиозных, политических институтов ведет к трансформации гражданской идентичности россиян (Воденко и Черных 2015). Структурные барьеры являются причиной неравномерности распространения практик политического участия людей старших возрастов (Erol 2015), их мобильности в городах (Breitinger et al. 2015); организационные изменения в национальной политике влияют на практики заботы и условия жизни получателей интегрированного ухода (integrated care) (Hughes et al. 2022); вследствие пространственных, экономических, информационных неравенств, проблем, связанных с доверием, противоречивых взаимных ожиданий получателей и поставщиков социальных услуг возникают сбои в предоставлении социального ухода на дому, которые затем преодолеваются благодаря взаимной активности государства, поставщиков и самих благополучателей старших возрастов (Cheng et al. 2023). Однако практически не исследуются механизмы взаимодействия социальных структур и активистов старших возрастов. В настоящей статье предпринята попытка выявить, как лидеры и активисты старших возрастных групп становятся посредниками между государственной политикой активного долголетия и рутинными стратегиями старения россиян, выступая участниками структуризации, воспроизводства (рекурсивности) и социальных изменений.

Целью исследования является выявление механизмов взаимодействия старших лидеров и активистов с социальными структурами в оптике теории структуризации Гидденса и ее современных интерпретаций (Сьюэлл, Стоунс). В работе обсуждаются механизмы взаимного конституирования агентности и структур в практиках социального участия людей старшего возраста, выстраивания сложной системы формальных правил и неформальных практик социального участия, встраивания в структуры и сопротивления им; поиска и использования ресурсов лидерами и активистами старших возрастных групп, в том числе в ситуациях ресурсного дефицита.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Эмпирическую базу исследования составили данные 26 глубинных полуструктурированных интервью с лидерами и активистами практик социального участия в возрасте от 65 до 88 лет, проживающими в Ивановской, Ростовской, Свердловской областях, Краснодарском крае, Республиках Калмыкия и Удмуртия, Ханты-Мансийском автономном округе. Критериями включения в выборку являлись возраст старше 65 лет и участие в общественной жизни или самоорганизованных группах в качестве лидера или активиста. Поиск велся среди представителей общественных организаций, соседских и дружеских сообществ, жилищных товари-

ществ и органов территориального самоуправления, участников сетевых и типовых практик активности, творчества, добровольчества и пр. В качестве информантов приглашались инициативные граждане в возрасте старше 65, члены самоорганизующихся групп и сообществ, активисты и лидеры социально ориентированных общественных организаций всех уровней (социально ориентированных некоммерческих организаций, СОНКО), учреждений социального обслуживания, культуры, спорта и пр. Отбор проводился методом целенаправленной выборки через партнерские некоммерческие организации (НКО), государственные учреждения и методом «снежного кома». Интервью проводились в период с июля по ноябрь 2021 года при личном общении; в отдельных случаях дополнялись телефонными интервью; длительность интервью составляла от 32 до 206 минут (в среднем – 60 минут). Информантам были заданы вопросы о целях и формах их деятельности, источниках ресурсов, особенностях взаимодействия с партнерами; особое внимание уделялось их личной мотивации и восприятию своей роли в практиках социального участия⁵. При планировании исследования были учтены требования и нормы исследовательской этики (Профессиональный кодекс социолога, проект Этического кодекса Российского общества социологов⁶), а также российского и европейского законодательства в области защиты персональных данных⁷. Программа исследования и исследовательский инструментарий прошли экспертизу на кафедре социальных технологий Южного федерального университета. Этические требования (наличие информированного согласия участников, анонимность и конфиденциальность) были соблюдены.

В качестве аналитического инструмента был применен дедуктивный подход к тематическому анализу, при котором тематические категории изначально определяются на основе теоретической модели (в нашем случае – теории структуризации Гидденса), а их релевантность верифицируется в ходе интерпретации эмпирического материала (Braun and Clarke 2006). На первом этапе был предпринят анализ транскриптов интервью с использованием полуавтоматизированной процедуры тематического кодирования на платформе Google AI Studio (LLM Gemini 2.5 Pro Preview). В каждом из транскриптов были выявлены фрагменты, релевантные основным концептам теории Гидденса (дуальность структуры и агентов, правила и ресурсы; рефлексивный мониторинг, мотивация). Для обеспечения достоверности модель давала пояснение, по какой причине та или иная цитата идентифициру-

⁵ Список интервью и общие сведения об информантах приведены в приложении. Все интервью пронумерованы, при характеристике информантов отмечены возраст, пол, участие в определенной социальной практике, статус, место жительства.

⁶ «Этический кодекс Российского общества социологов (РОС)», Российское общество социологов, https://ssa-rss.ru/index.php?page_id=84.

⁷ Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (принят Государственной Думой 8 июля 2006 г., одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г.); Regulation (EU) 2016/679 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and the Free Movement of Such Data (см. общие положения документа на официальном сайте Евросоюза: General Data Protection Regulation (GDPR), European Union, <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/general-data-protection-regulation-gdpr.html>).

ется ею с определенным теоретическим концептом⁸, что позволяло вручную контролировать консистентность отнесения данных к теоретическим категориям, чтобы избежать произвольности интерпретаций. Второй этап представлял собой углубленный анализ извлеченных тематических единиц. Нами выявлялись ключевые темы, паттерны поведения и смысловые конструкторы, характеризующие взаимодействие активистов практик социального участия, принадлежащих к старшим возрастным группам, с социальной средой и их практики самоорганизации.

ВЗАИМНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ АГЕНТНОСТИ И СТРУКТУРЫ В ПРАКТИКАХ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Анализ взаимодействия лидеров и активистов старших возрастов с социальными институтами в регионах выявляет сложную диалектику, в которой структуры одновременно выступают источником принуждения, поставщиком ресурсов и ареной для проявления и усиления агентности. Это взаимодействие иллюстрирует центральный тезис теории структуризации о взаимном конституировании агента и структуры (Giddens 1984): оно не является однонаправленным; лидеры и активисты старших возрастных групп активно адаптируют и даже трансформируют эти структуры в процессе своей деятельности.

Чаще всего активисты старшего возраста взаимодействуют с государственными институтами (от администраций до учреждений культуры и социальной защиты). Роль институтов амбивалентна и в полной мере отражает дуальность структур: с одной стороны, они вводят ограничения и регулируют практики, что может создавать конфликт интересов и ценностей, особенно когда агенты воспринимают эти ограничения как несправедливые или вредные: «когда я приехал сюда, выяснилось, что у нас никто в этом не заинтересован, [...] альтернативная энергетика здесь никому не нужна» (И14, изобретатель «солнцемарана» – катамарана на солнечных батареях, наставник группы подростков и молодежи, увлекающихся техникой). С другой стороны, эти же институты выступают ключевым источником поддержки, предоставляя как материальные (площадки), так и символические (легитимность, статус) ресурсы для самореализации.

Именно в точке пересечения структурных ограничений и возможностей рождается агентность. Так, формальное предписание сверху может стать триггером для низовой самоорганизации, которая в дальнейшем начинает «жить своей жизнью», воспроизводя и трансформируя изначальный импульс: «наш клуб создан

⁸ Пример одной тематической единицы. Цитата: «Четыре года назад вместе с моим сыном Михаилом мы создали НКО “Идея”, потому что мы понимали, что НКО сегодня становятся драйверами развития территорий». Соответствующие концепты Гидденса: дуальность структуры, агентность и создание структур. Интерпретация: агенты (информантка и ее сын), основываясь на своем понимании (рефлексии) изменяющейся социальной структуры (роль НКО в развитии территорий), создают новую структуру (НКО «Идея»); НКО, в свою очередь, становится средством для дальнейших действий и реализации проектов, которые воспроизводят и усиливают эту новую роль НКО, а также трансформируют местные сообщества.

при соцзащите [...] случайно. Когда пришло положение, нужно было ехать на туристический слет, клуба такого не было, но надо было защищать честь города» (И9). Созданный в ответ на требование структуры клуб сам становится новой структурой, которая уже на постоянной основе создает возможности для социальной активности.

Государственные системы (пенсионная, система трудоустройства) формируют социальные роли и ожидания. Выход на пенсию как структурный сдвиг может стать, с одной стороны, точкой вытеснения из сферы социальной и экономической активности в силу институционального «перехода», но, с другой, послужить катализатором для рефлексивного поиска новых форм активности: «Я работала заведующей в центре соцобеспечения в течение 15 лет, но потом уже пошла на пенсию, [...] сразу начала искать такое, то что мне нравится, что по душе» (И22). Имеющийся профессиональный опыт (например, работы в госучреждениях, а также опыт партийной, комсомольской, профсоюзной работы, то есть опыт общественной работы в советском секторе) становится ключевым ресурсом (Sewell 1992), который агенты переносят в новые условия. Бывшие руководители и специалисты продолжают действовать в привычных для них ролях, но уже в новом статусе, рекурсивно воспроизводя усвоенные практики и одновременно адаптируя их к изменившимся обстоятельствам: «С 1992 года я 18 лет работала в соцобслуживании, замдиректора и потом директором, получается, почти всю жизнь, помогала людям... Наверное, именно поэтому после выхода на пенсию стала поддерживать связи с ЦСО [Центр социального обслуживания], и там учиться и участвовать в активностях, а когда сложилась ситуация – стала работать там как доброволец» (И20).

Важной поддерживающей структурой для агентности старших лидеров выступает семья. Члены семьи оказывают мобилизующую (вовлечение в практики активного долголетия и тому подобное вслед за детьми и внуками), информационную (члены семьи доносят информацию о конкурсах, проектах, бесплатных предложениях, связанных с анализируемой сферой), моральную поддержку: «Муж знал, что я всегда была активисткой, и я бы попросту не смогла сидеть дома, и поэтому он понял и принял мое решение. Говоря о детях – они меня... поддерживают по сей день» (И8). Благодаря семье поддерживается качество жизни в старшем возрасте: «Но если человек живет с семьей, детьми чаще всего, если дети, конечно, порядочные, хорошо относятся, то человек дольше живет и дольше сохраняет активность» (И1).

В свою очередь, рыночные механизмы чаще воспринимаются как внешняя ограничивающая структура. Экономические трудности сужают поле возможностей для активистов старших возрастных групп: «Вот, рубль рушится... И в общем, мне Титов звонит, говорит: “Николай Николаевич, я пока на культурную программу ничего выделить не могу, и ‘Транснефть’ отказывается, понимаешь”» (И14). Потенциал рынка как источника ресурсов реализуется редко, но эта поддержка значима: небольшая заработная плата ведущему кружок для людей старшего возраста, спонсорская поддержка культурных инициатив могут служить стимулом и ресурсом. Агентность здесь проявляется именно в способности находить и использовать

даже редкие рыночные возможности: «Постепенно состав коллектива увеличивался, появились спонсоры – артисты стали получать заработную плату, мы подготовили концертную программу, пошили в Москве сценические костюмы» (И24).

Религиозные институты выступают структурным ресурсом для агентности как источник духовной поддержки, место формирования сообществ и организующая сила для общественных инициатив, в том числе в ситуациях утрат, сбоев, ограничений в других структурах (например, для людей, оставшихся в одиночестве после смерти мужа/жены), что иллюстрирует идею о множественности и пересечении структур (Sewell 1992), когда одна структура может компенсировать сбой в другой: «ранее [...] я потеряла своих родителей и супруга. Именно в эти годы я обратилась к Богу, [...] и мы с подругами организовали в помещении небольшой храм, [...] читали акафисты, пели» (И26). Церковные лидеры (священнослужители) могут выступать как инициаторы и организаторы социальных проектов, мобилизуя ресурсы прихода и волонтеров. Например, устраивать трапезы для нуждающихся: «Наш батюшка организовал осенью деятельность по кормлению бездомных людей, [...] после вечерней службы в субботу я остаюсь в храме и с моими подругами мы готовим для бедных еду» (И25). Агентность институциональных лидеров подкрепляет и усиливает агентность активистов, демонстрируя принцип кумулятивной агентности, синергетического расширения возможностей структур и агентов совместно.

Институты оказывают существенное влияние на повседневные практики и стратегические решения старших лидеров и активистов, однако их роль не сводится к пассивному принятию структурных воздействий, но состоит в активном взаимодействии с существующими рамками, а иногда и в попытках их раздвинуть. Нам не встретилось случаев, когда сопротивление структурам со стороны информантов приняло бы форму открытого конфликта. Их стратегия – это не прямое столкновение, а скорее использование «диалектики контроля» (Giddens 1984), при которой даже в условиях ограничений агенты находят ресурсы для влияния на ситуацию. Они создают новые социальные практики и мини-структуры параллельно существующим или внутри таковых (например, создание неформальных сообществ и инициатив в доме-интернате для удовлетворения потребностей в общении, творчестве и признании) (И16, И17).

Формализация неформальных инициатив в виде НКО или органов территориального общественного самоуправления (ТОС) является ярким примером осознанного агентного действия: чтобы обеспечить легитимность, получить доступ к ресурсам и в конечном счете усилить свою способность трансформировать социальную среду, активисты целенаправленно встраивают свои практики в существующие структурные рамки: «мы создали НКО “Фонд социальной активности ‘Идея’”, потому что мы понимали, что НКО сегодня становятся драйверами развития территорий» (И4).

Формой символического сопротивления является сознательный отказ от пассивной роли, навязываемой стереотипами о старении, что часто встречается в нарративах наших информантов:

На пенсии сейчас делать совсем нечего, не по больницам же мне ходить, как другие бабки. Сил-то у меня полно, вот и занимаюсь, чем нравится (И8).

[Я] пришел к тому, что надо чем-то заниматься, надо жить полной жизнью. И стал заниматься творчеством (И16).

Поскольку я вела активный образ жизни, я решила не останавливаться. Ничто не значат мои года, [...] я решила вести активный образ жизни (И22).

Я всегда говорю своим внукам и детям, что себя необходимо ощущать на 20 лет моложе... В душе мне лет 50 максимум (И25).

При ближайшем рассмотрении этот отказ от пассивной роли оказывается не только результатом субъективного самоощущения, но и рефлексивной реакцией на продвигаемую государством политику активного долголетия. Такая позиция может быть интерпретирована двойственным образом. С одной стороны, это акт символического сопротивления, с другой – стратегическая «игра по правилам» доминирующей структуры, которая поощряет именно эту модель поведения. В этом контексте большинство наших информантов выступают как компетентные агенты, действующие в институциональной среде. Обладая значительным опытом взаимодействия с формальными институтами, они не столько бросают вызов системе, сколько стремятся успешно встроиться в нее. Такой способ действия заставляет активистов применять те методы, которых от них ожидает структура: они начинают действовать в публичной сфере, осваивают проектную логику, «играют по правилам», отвечая на «спущенную сверху» повестку. В некоторых случаях это может приводить к имитации преобразований, когда деятельность направлена не столько на решение реальных проблем, сколько на соответствие возможностям и требованиям структур. В основе здесь – прагматичный компромисс: агенты принимают предложенные правила игры в обмен не только на материальные ресурсы, но и на символические блага – легитимацию своих практик, общественное признание и одобрение. Такая модель взаимодействия со структурами становится для них ключевой.

Таким образом, в рамках изученных нами просоциальных практик агентность активистов и лидеров старших возрастных групп проявляется не в разрушении существующих структур, а в их творческом «доставивании» и «обживании». Это сложный процесс адаптации и трансформации, порождающий новые социальные альтернативы. Безусловно, существуют и другие модели взаимодействия агентов и структур – от открытого сопротивления до полного неучастия, – однако анализ этих феноменов требует отдельного исследования. Наш же материал показывает, что для компетентных агентов, действующих в институциональной среде, ключевой тактикой становится не конфронтация, а созидание.

НАВИГАЦИЯ МЕЖДУ ФОРМАЛЬНЫМИ ПРАВИЛАМИ И НЕФОРМАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ НА ОСНОВЕ ПРАГМАТИЧНОГО КОМПРОМИССА

Взаимодействие активистов старших возрастов с правилами (формальными и неформальными) раскрывает их как активных интерпретаторов и навигаторов. Агентность лидеров – их способность интерпретировать правила и действовать в сложном нормативном поле – предполагает постоянный рефлексивный монито-

ринг социальной ситуации (Giddens 1984), в ходе которого они отслеживают как формальные правила, так и неформальные возможности. Именно на основе этого фонового процесса они принимают свои решения, пребывая в поисках прагматичного компромисса между желаемым и возможным.

Информанты часто сталкиваются с формальными правилами, которые воспринимаются ими как проявления ограничивающих структур, неэффективные или даже несправедливые. Это ярко проявилось в пандемийных ограничениях; бюрократических процедурах, связанных с получением ресурсов: «есть этот определенный алгоритм, [...] все там каким-то образом оформляешь, отвечаешь на все вопросы. Это загружается, и машина сама подсчитывает, сколько баллов получил ваш проект. И если ты не проходишь из-за количества баллов, тебе не выделяются субсидии» (И13). Кроме того, в качестве таких ограничений могут выступать оторванные от реальности законодательные нормы: «Нам запретили вывозить мусор, просто убирать территорию. Я стал звонить в Москву, в Госдуму, [...] вышли с предложением внести разумные поправки... Отклонили» (И14).

Даже воспринимая те или иные правила как несправедливые, лидеры и активисты не склонны их нарушать. Причины такого поведения разные, но преимущественно прагматичные: это отсутствие реальных альтернатив или осознание невозможности конфликта с мощными структурами, желание достичь более важной цели (реализовать проект, получить официальный статус), встроенность в систему, где эти правила являются условием функционирования. Соблюдение таких правил, с которыми агенты внутренне не согласны, или таких, что считают бессмысленными, не всегда означает пассивность. Оно может быть частью стратегической игры, где активисты «платят цену» за возможность действовать в других, более значимых для них, областях – своеобразной формой «структурного торга»:

Значит, мы, десять человек. [...] Она сказала: «Достаточно десять человек, больше не надо». Хотя у меня их 30 уже. «Значит так, Гимн России будете исполнять!» Все это на видео заснимем – отошлем. Ей отошлем. Но это будет [...] я не знаю, когда... Она же там решает с руководством... Так что, может и приедут. Они к нам уже сколько... три раза приезжали. Везили нас в Логан-парк бесплатно (И23).

Разрыв между формальными предписаниями и реальными практиками является не патологией системы, но скорее ее имманентной чертой, создающей пространство для маневра, когда «серая зона» оказывается территорией для агентности. Неформальные практики компенсируют неэффективность или пробелы формальных систем: там, где формальные структуры не справляются или отсутствуют, возникает взаимопомощь и самоорганизация. Так, по инициативе нашей информантки в период пандемии возникла группа помощи соседям: «Вот помогла она [соцработник] чем-то, но возникла ситуация, что опять ее не вернешь, не вызовешь, и надо чего-то помогать» (И2).

В основе таких неформальных практик лежат глубинные ценностные схемы (Sewell 1992), усвоенные через наблюдаемые семейные практики (ср., например: «Никто никогда ничего не говорил, но мы видели всегда, что мама, что папа, что

бабушки помогали всем, к[ому] можно» (И1)), которые предопределяют выбор просоциальной стратегии агентности. Конвенциональные ценности взаимопомощи и морального долга не только служат мотивационной основой для агентности, но и могут объяснять низкий уровень конфронтации со структурами, поскольку взаимодействие агентов с ними опосредуется общим (по крайней мере, декларируемым) ценностным фундаментом.

Жесткость формальных правил смягчает «человеческий фактор» – личные связи и неформальные договоренности, которые превращают социальный капитал в ключевой ресурс для решения практических задач: «Я тогда просто как могла договаривалась [...] с библиотеками, с площадками [...] об их гастролях, даже с другим городом, с автобусом, чтобы нам бесплатно давали» (И5).

Кроме того, в неформальных группах мы наблюдаем рекурсивное воспроизводство профессиональных и культурных норм, которые являются частью профессиональной культуры и обеспечивают качество результата:

За четыре года еженедельного вещания [...] суть остается неизменной: просвещать, вдохновлять и мотивировать (И21).

Провожу ли я репетиции? Я – балетмейстер, и, естественно, когда ставлю новое хореографическое произведение, рассказываю, раскрываю его сюжет и показываю движения (И24).

Здесь ярко проявляется механизм транспонирования схем (по Сьюэллу), в ходе которого усвоенные ранее профессиональные нормы и паттерны поведения переносятся в новые неформальные практики. В новом поле агенты фактически продолжают реализовывать свои прежние профессиональные роли, но уже в ином, неформальном контексте, тем самым создавая новые социальные миры, обладающие собственной структурой и логикой.

Таким образом, зазор между формальным и неформальным – это не просто дисфункция, а пространство для проявления агентности лидеров и активистов старших возрастных групп. Умение навигировать в этом пространстве становится ключевой компетенцией: опытные агенты сочетают формальные требования с использованием личных связей, поддерживая и развивая сети, которые оказываются более гибкими, адаптивными и человечными, чем формальные предписания.

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ: НЕРАВЕНСТВО ДОСТУПА И КРЕАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КОМПЕНСАЦИИ

В теории структуризации ресурсы, которые агенты используют для осуществления своих действий, являются, наряду с правилами, ключевым компонентом структуры (Giddens 1984). Доступ к ресурсам (финансовым, социальным, информационным) выступает значимым фактором, определяющим возможности пожилых лидеров и активистов для реализации инициатив и, как следствие, для проявления их агентности. Анализ показывает, что этот доступ стратифицирован и рекурсивно воспроизводит существующее социальное неравенство. Однако именно в услови-

ях дефицита ресурсов наиболее ярко проявляется креативность и адаптивность социально активных представителей старших возрастных групп, их способность мобилизовать альтернативные активы (человеческие ресурсы, по Сьюэллу).

Доступ к аллокативным (материальным) ресурсам крайне неравномерен. В привилегированном положении оказываются государственные структуры и успешные НКО, привлекающие гранты. Успех в этой деятельности сам по себе зависит от наличия у активистов ключевых человеческих ресурсов – специальных знаний, навыков и репутации: «Мы – сообщество “Активное долголетие”, и у нас потом появились фонд “Содействие”, также проект “Совместные дела сплотили нас”... Первый наш проект был “Старость в радость”. Потом мы получили президентский грант, второй наш проект – “Активное долголетие”, третий проект – “Совместные дела сплотили нас”, тоже президентский грант» (И19).

Большинство низовых инициатив реализуются благодаря членским взносам, личным средствам участников или спонсорской поддержке, которая, впрочем, непостоянна: «Вот нам сеть ресторанов [...] очень хорошо оказывала помощь продуктами питания, в течение пяти-шести лет... Но лет пять вообще не оказывают помощь» (И15); «Ну бюджет [...] никто нам никакие деньги не дает. Мы собираем, у нас взносы. Мы собираем по 100 рублей, нам как бы хватает» (И9). Это воспроизводит неравенство, где организации без стабильного финансирования уязвимы, ограничены в долгосрочном планировании и иногда оказываются вынуждены закрывать даже востребованные проекты: «Для обучения детей на базе театра действовала в течение более [чем] десяти лет школа калмыцкого танца. За эти годы мы сделали многое и многого добились. [...] Однако началась оптимизация, и школу были вынуждены закрыть ввиду отсутствия финансирования» (И24).

Доступ к помещениям также иллюстрирует эту структурную асимметрию и часто зависит от поддержки государственных и муниципальных структур, религиозных организаций. Группы без такой поддержки вынуждены использовать личные пространства (ср., например: «ну, у меня в саду, там у нас в доме позволяет место, и мы там собираемся» (И9)), долго добиваться, чтобы им выделили помещение (и зачастую помещения достаются им в плохом состоянии) («Одна из самых главных проблем – это, конечно же, помещение. Мы долго мыкались, как говорится, с помещением. И в настоящее-то время помещение, так сказать, есть» (И11)), ремонтировать пребывающие в неудовлетворительном состоянии помещения за свой счет, рискуя потерять и их: «Две комнаты мы отремонтировали за свой счет, [...] мы там два года просуществовали, и нас выгнали... У нас сейчас места нет» (И9). Материалы для творчества или специальное оборудование часто также приобретаются на личные средства или на средства, полученные благодаря окказиональной неформальной помощи, грантам, спонсорам («депутат Госдумы Щ. подарил нам первые палки для скандинавской ходьбы» (И19)).

Социальный капитал (так называемые связи) представляет собой ценнейший социальный ресурс. В терминах Гидденса, это авторитарный ресурс – способность координировать и подключать деятельность других людей, доступ к этому ресурсу также неравномерен. Преимущества имеют организаторы с опытом и репутацией и активисты, занимавшие руководящие посты в прошлом: «Мы сотрудничаем осо-

бенно с нашей управляющей компанией “Коммунальщик Дона”, они нас всегда поддерживают. Также наши партнеры – это база “Союз 98”, “Аэронавигация Юга”, Институт предпринимателей, многие школы нашего города, депутат Ростовской городской Думы О.» (И18). Прежний опыт и накопленные «схемы» (Sewell 1992) взаимодействия с властью и обществом у этих активистов конвертируются в эффективную агентность в настоящем: бывший работник сферы культуры организует гастрольи театра (И5), бывший директор центра организации социального обслуживания (так называемые ЦСО) населения руководит группой добровольцев в таком же центре (И20), бывший редактор региональной газеты выпускает телевизионную передачу (И21), бывший директор школы руководит Советом ветеранов и активно взаимодействует с администрацией и управлением образования (И23). Родственные связи и рекомендации внутри сообществ также играют роль: «мне помогла невестка [...] через интернет заказывает материалы» (И8).

Доступ к информации также неодинаков. Сотрудники медиаструктур имеют прямой доступ к ее созданию и распространению; более полную и качественную информацию получают также те, кто имеет возможность привлекать экспертов: «Об основных правилах здорового долголетия доступно, аргументированно и убедительно рассказывают врачи разных специализаций, гериатры, геронтологи, биологи» (И21). Цифровое неравенство ограничивает доступ части пожилых людей к онлайн-информации: «Телефон кнопочный, так мне удобнее» (И25). Однако большинство активно осваивают технологии: «освоили новые технологические навыки пользования телефонами, социальными сетями» (И19), «компьютер для меня – это не проблема, я все могу на компьютере делать» (И20). В этом им также помогают другие структуры (университет, центр организации социального обслуживания), члены семьи, сообщества, подтверждая принцип взаимодополняемости структур и кумулятивной агентности, которая выражается в активном освоении лидерами новых компетенций.

Нехватка материальных ресурсов парадоксальным образом стимулирует проявление агентности, заставляя активистов старшего возраста мобилизовать альтернативные активы и проявлять изобретательность. В этих условиях социальные связи (неформальные сети, партнерства) и человеческие ресурсы (волонтерство, личные навыки, время, энтузиазм) становятся первостепенными. Активисты целенаправленно строят коалиции (ср., например, высказывания типа: «меня познакомили там с Н. Р., “Союз пенсионеров” там, потом пришли “Неравнодушные люди Ростова”, потом “Родители Ростова”, “Волонтеры Ростова”, зеленые, Союз десантников Юга России, афганцы» (И14)), используют личные контакты и опираются на профессиональный опыт и творческие способности участников. Здесь мы видим, как агентность не просто использует структуры, но и активно их создает: привлечение бывших подопечных в качестве волонтеров создает устойчивые циклы взаимопомощи, усиливая сообщества и в то же время трансформируя статусы участников – «объекты заботы» становятся активными субъектами помощи, обретая собственную агентность: «многие наши подопечные уже перестали быть подопечными, их жизненные обстоятельства наладились. И [...] они стали нашими добровольными помощниками!» (И12).

Информанты демонстрируют креативность в использовании имеющихся ограниченных ресурсов. Они превращают неформальные пространства в места для активности («Мы сколотили сами стол, насобирали бревен, сделали скамейки вокруг костра и справляли там дни рождения» (И9)); адаптируют деятельность к имеющимся материалам («Вот сейчас рисую опять на маленькие форматы, что я два раза уже постирал» (И16)), разрабатывают инновационные решения с минимальными затратами («Мне дали два вот таких поплавка, вот от самолетных бензобаков огромных. Мы сделали палубу. [...] И он получился, такой симпатичный катамаран» (И14 – о создании первого катамарана)). Эта способность, выросшая на стратегиях экономического минимализма, – сама по себе существенный ресурс старшего поколения; он используется многими НКО как креативная технология экологичного потребления, вторичного использования старых вещей.

Сила коллективной агентности проявляется в возможности мобилизовать внутренние ресурсы сообщества и продолжать его деятельность даже при отсутствии внешней поддержки. В качестве таких практик (мобилизация ресурсов сообщества) выступают, например, сбор членских взносов, личные финансовые вложения лидеров («Сарафаны шили, костюмы, все остальное на свои деньги» (И9)), объединение ресурсов внутри локальных сообществ (например в церковном приходе – для организации кормления бездомных (И25)).

Активное использование доступных технологических платформ (речь прежде всего о мессенджерах) и сарафанного радио для координации, информирования и привлечения участников компенсируют недостаток доступа к информации: «и вот ко мне стали присоединяться другие, нас сначала было трое, потом семеро, потом двенадцать человек. [...] Это, наверное, сарафанное радио такое» (И19).

Еще одним креативным способом преодолевать отсутствие ресурсов или их нехватку является бартер. Получение нефинансовых ресурсов (будь то техника или, например, саженцы) в обмен на участие или поддержку свидетельствует о гибкости, умении находить взаимовыгодные решения и о важной роли принципа реципрокности в процессах структуризации: «кто-то давал технику, кто-то – людей, кто-то там помогал – тот же лесхоз, там, саженцами, кто-то, там, давал мешки» (И13).

Доступ к ресурсам в практиках самоорганизации является критически важным элементом структуризации, который одновременно воспроизводит существующие линии социального неравенства и стимулирует проявление агентности через поиск и мобилизацию альтернативных ресурсов. Активисты старших возрастных групп демонстрируют поразительную способность превращать дефицит в стимул для творчества, опираясь на социальный капитал, человеческие ресурсы и коллективную солидарность. Их стратегии компенсации нехватки ресурсов являются не просто тактиками выживания, а активными формами социального конструирования, которые позволяют им расширять свои возможности и оказывать влияние на социальную среду даже при ограниченной поддержке со стороны формальных институтов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный анализ выявил сложный, диалектический характер взаимодействия агентности активных представителей старших возрастных групп и социальных структур. Наши данные показывают, что активисты старших возрастов выступают не как пассивные объекты политики активного долголетия, а как творческие субъекты, которые активно адаптируют и «достраивают» существующую институциональную среду. Ключевым и, на первый взгляд, парадоксальным результатом исследования стало то, что именно дефицит ресурсов часто выступает не тормозом, а катализатором их агентности, стимулируя креативность и мобилизацию альтернативных активов.

Прежде всего наши данные позволяют уточнить представление о стратегиях социального приспособления россиян старших возрастных групп. В российской социологии старения основной акцент часто делается на пассивных стратегиях экономии и «выживания». Так, Полина Козырева и Александр Смирнов показывают, что в условиях ограниченных ресурсов пенсионеры выбирают «обращение к резервным способам социального приспособления, основанным на экономии ресурсов» (2017:72). Не оспаривая важность этого аспекта, наше исследование на примере активистов и лидеров демонстрирует, что их стратегии носят не столько реактивный, сколько проактивный и созидательный характер. В этих условиях именно социальный капитал становится тем ключевым ресурсом, который обеспечивает взаимодействие между агентностью лидеров и социальными структурами.

Этот парадоксальный эффект дефицита позволяет вступить в диалог с классической теорией социального капитала (Bourdieu 1986; Putnam 1995). Если в рамках этой теории социальный капитал рассматривается как ресурс, позволяющий компенсировать нехватку капитала экономического, то наши данные показывают более сложную динамику. Дефицит выступает не просто как условие, но как активный стимул, триггер, который вынуждает агентов проявлять повышенную агентность: строить коалиции, активировать «спящие» связи и создавать новые сети доверия. Таким образом, социальный капитал в нашем случае выступает не столько как накопленный и статичный актив, сколько как динамичный продукт целенаправленной агентной деятельности, спровоцированной ресурсным дефицитом. Более того, накопленный социальный капитал успешно конвертируется в другие формы ресурсов – доступ к помещениям (административный ресурс), грантовую поддержку (экономический капитал) и общественное признание (символический капитал), тем самым замыкая цикл воспроизводства агентности.

Возникает вопрос: с помощью каких именно практик лидерам и активистам старшего возраста удастся создавать и мобилизовывать этот социальный капитал? Наше исследование показывает, что ключевую роль здесь играет тактика прагматичной навигации – творческого «достраивания» и «оживления» формальных систем через неформальные сети. Для анализа этого феномена особенно продуктивной оказывается концепция Мишеля де Серто. В своей работе «Изобретение повседневности» де Серто (2013) противопоставляет «стратегии» сильных, обладающих властью и устанавливающих правила, и «тактики» слабых, вынужденных действовать на «чужой территории». В отличие от прямого сопротивления, такти-

ки позволяют «подвластным» не просто пассивно потреблять навязываемый им социальный порядок, а творчески перетолковывать его в свою пользу, «подгоняя под себя». Наши данные ярко иллюстрируют этот механизм. Лидеры старшего возраста, не обладая формальной властью, действуют как классические «тактики». Их «уловки» заключаются в творческом использовании предписаний доминирующей системы. Так, формальное требование со стороны органов социальной защиты принять участие в разовом мероприятии используется активистами как легитимный повод и ресурс для создания собственного, постоянно действующего клуба (см. интервью с И9). Наши информанты не выходят за пределы доминирующего порядка, а хитроумно действуют как «иное внутри», отыскивая пространство для свободы и созидания. Таким образом, их агентность проявляется не в разрушении структур, а в искусном и креативном «изобретении повседневности» в заданных институциональных рамках.

Обнаруженный нами паттерн «прагматичного достраивания» формальных систем имеет глубокие корни в постсоветской социальной истории. Как показывают многолетние исследования неформальных практик в России, этот способ действия оказался чрезвычайно устойчивым. Еще в начале 2000-х годов Ирина Олимпиева (2003), анализируя стратегии адаптации научных организаций, показала, что реакцией на институциональную неопределенность стал симбиоз формальной принадлежности и неформальной автономии: организации сохраняли связь с «головной» структурой ради ресурсов и статуса, но реальную деятельность вели через параллельные каналы. Однако мы фиксируем и важное смысловое смещение: если в 1990-е годы эти стратегии были направлены преимущественно на выживание, то сегодня они стали устойчивой системой, нацеленной на более широкие задачи. Это смысловое смещение – от выживания к созиданию – подтверждается и в других современных исследованиях. Как показывает Юрий Плюснин на примере «промыслов» в российской провинции, неформальная экономическая активность направлена не только на жизнеобеспечение, но и на «достижение иных, как правило социальных, целей» (2022:59). Действия наших информантов – создание сообществ, организация мероприятий, творческая самореализация – являют собой именно такой случай. Таким образом, тактики, рожденные в условиях кризиса как инструмент выживания, трансформировались в конструктивный механизм создания локального социального порядка, солидарности и наполнения жизни новыми смыслами.

Этот способ взаимодействия с институтами также может быть проанализирован через концепт «человека лукавого», разработанного Юрием Левадой (2011). Левада показал, что для постсоветского человека характерно «двоемыслие» – способность существовать одновременно в нескольких, часто противоречащих друг другу, нормативных системах. Практики наших информантов – это проявление такого «лукавства» в конструктивном ключе. Однако если для Левады «человек лукавый» был прежде всего продуктом приспособления к условиям тотального контроля и всеобщего дефицита в советское время, то в современных условиях меняются функции и социальный смысл этого явления. Дело не столько в характере политического режима, сколько в изменении структуры возможностей: контроль государства стал более фрагментированным, оставив множество «ниш» для деполитизиро-

ванной социальной активности. Именно в этих структурных зазорах пожилые лидеры используют унаследованные практики не для выживания, а для самореализации и социального созидания, превращая «лукавство» из тактики индивидуального приспособления в инструмент коллективного действия. Эти тактики мягкого креативного встраивания в структуры приводят к трансформациям правил старения, что наблюдается и в других исследованиях практик активного долголетия в российских регионах (Киенко 2022; Козачок и др. 2024; Martynova 2023).

Такой созидательный характер деятельности ставит вопрос о том, как можно концептуализировать самих лидеров и активистов практик социального участия, принадлежащих к старшим возрастным группам. Мы полагаем, что их практики позволяют говорить о них как об особом «креативном классе». Изначально эта концепция была предложена Ричардом Флоридой (2005) для описания представителей определенных профессиональных групп (ученых, инженеров, деятелей искусства), чья экономическая функция заключается в создании новых идей, технологий и контента. Для нашего анализа более релевантной является ее интерпретация, предложенная российским социологом Юрием Волковым. В статье «Креативный класс versus имитационных практик» Волков (2012) определяет креативность не через принадлежность к определенным профессиям, а через способность к созданию нового и противопоставляет подлинно креативные практики – практикам имитационным, формально воспроизводящим существующие образцы. Именно в этой оптике деятельность лидеров старшего возраста предстает как яркий пример креативности. Они не просто имитируют спущенные «сверху» модели активного долголетия, а творчески их перерабатывают, конструируя новые социальные структуры (клубы, сообщества, сети взаимопомощи) и наполняя старение новыми, деятельными смыслами. Превращение дефицита в ресурс, изобретение инновационных решений из подручных материалов, создание локального социального порядка – все это примеры подлинных креативных практик, а не их имитации. Характеристика деятельности лидеров и активистов старших возрастных групп как креативной не должна, однако, вводить в заблуждение относительно ее истоков. Важно критически оценить природу этой креативности и степень новизны создаваемых практик. Наш анализ показывает, что агентность лидеров реализуется в четко очерченных структурных границах и во многом опирается на транспонирование схем (Sewell 1992) советского прошлого. Организационные навыки, усвоенные в рамках комсомольской или профсоюзной работы, переносятся в современную проектную логику грантовых конкурсов и НКО. Это свидетельствует о существенном разрыве между модернистской риторикой государственной политики активного долголетия, ориентированной на инновации и развитие, и реальными низовыми практиками, которые часто носят характер адаптации и выживания. Однако в условиях неолиберальной политики активного долголетия, перекладывающей ответственность на самого индивида, эти коллективистские паттерны наполняются новым смыслом – они становятся способом поддержания локальных сообществ взаимопомощи. Таким образом, агентность активных представителей старшего поколения является не столько революционной, создающей принципиально новые среды, сколько гибридной: она соединяет риторику «государственного» активного долголетия с привычными прак-

тиками советского коллективизма, позволяя лидерам оставаться понятными и для власти, и для рядовых пенсионеров.

В конечном счете вся совокупность описанных практик – прагматичная навигация, мобилизация социального капитала, творческое приспособление к дефициту – позволяет нам сделать более широкий теоретический вывод о механизме «структуризации снизу». Возвращаясь к теоретической оптике, описанной в начале статьи, мы можем утверждать, что деятельность наших информантов является живым воплощением дуальности структуры (Giddens 1984). Их агентность не сводится ни к пассивному следованию структурным предписаниям, ни к их полному разрушению. Вместо этого они демонстрируют, как именно агенты, обладающие даже ограниченными ресурсами, могут рекурсивно воспроизводить и одновременно трансформировать социальные структуры. Их деятельность можно охарактеризовать как процесс тонкой трансформации системы изнутри: находя и расширяя «серые зоны» и создавая параллельные мини-структуры (сообщества, сети), они меняют институциональный ландшафт на микроуровне.

Наши данные эмпирически подтверждают и развивают идеи Сьюэлла о множественности структур и транспонируемости схем (Sewell 1992). Мы видим, как лидеры старших возрастов переносят профессиональные и ценностные схемы из одного контекста в другой, «доставляя» и очеловечивая формальные институты. Это дополняет наше понимание «диалектики контроля» Гидденса, показывая, что власть «подчиненных» агентов заключается не столько в открытом протесте, сколько в созидательной способности выстраивать альтернативные социальные миры. Активисты изученных нами практик способны креативно встраиваться в зазоры между формальными правилами, интерпретировать, доставлять, транспонировать схемы, дополнять и перенаделять значениями ресурсы, оживлять и поддерживать структуры, соединяя схемы и ресурсы в социальных практиках, доказывая их сложную диалектическую связь, дуальность: «наборы схем и ресурсов образуют структуры только тогда, когда они взаимно подразумевают и поддерживают друг друга с течением времени» (Sewell 1992:13).

В заключение обсуждения следует обозначить и ограничения проведенного исследования. Во-первых, его качественный дизайн и опора на глубинные интервью не позволяют судить о распространенности описанных практик в генеральной совокупности. Во-вторых, наша выборка целенаправленно включала активных лидеров и организаторов низовых инициатив. Это люди, вовлеченные в действующие успешные социальные практики, ресурсные и компетентные «структурные» агенты. Модели поведения и практики остальной, возможно, менее деятельной и ресурсной, части старшего поколения россиян остались за рамками нашего анализа и требуют отдельного изучения. Наконец, данная статья предлагает скорее статический срез механизмов взаимодействия агентности и структуры. Однако не менее важным и перспективным направлением для будущих исследований является динамический анализ жизненного цикла социальных инициатив россиян старших возрастов. Такой подход позволил бы проследить, как меняется характер взаимодействия агентности и структуры на разных этапах – от зарождения до возможной стагнации или институционализации проекта, – и выявить ключевые факторы и барьеры в процессе диффузии практик активного долголетия.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ подтвердил, что теория структуризации является продуктивной оптикой для изучения социальной активности в старшем возрасте. Деятельность лидеров и активистов старших возрастных групп предстает как живое воплощение идеи о взаимном конституировании агентности и структуры: они не просто действуют в заданных рамках, но рекурсивно воспроизводят и трансформируют их через свои повседневные практики.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что стратегии лидеров и активистов старших возрастных групп в России представляют собой сложный феномен социального созидания. В отличие от моделей поведения, сфокусированных на простом выживании или открытом протесте, они демонстрируют способность к «прагматичной навигации» – творческому использованию структурных возможностей и ресурсов. Для многих людей старшего поколения дефицит становится непреодолимым барьером и фактором эксклюзии, однако для исследованной нами группы лидеров он парадоксальным образом может выступать не тормозом, а катализатором, стимулируя креативность и мобилизацию социального капитала.

Таким образом, мы видим разрешение исходного парадокса исследования – разрыва между нормативными рамками политики «сверху» и «невидимыми» практиками «снизу». Лидеры выступают необходимыми медиаторами, сшивающими этот разрыв. Они используют риторику активного долголетия и формализуют часть своей активности (делая «невидимое» «видимым»), чтобы получить ресурсы, но внутри этих форм сохраняют неформальное ядро заботы и общения. Их вклад заключается не в радикальной трансформации общества, а в создании локальных пространств, где формальные лозунги наполняются живым содержанием, понятным и приемлемым для людей их поколения.

В этом смысле их агентность выполняет компенсаторную функцию по отношению к системе: трансформируя жесткие схемы политики «сверху» в живые практики «снизу», они снижают напряжение и обеспечивают реальное, а не декларативное социальное участие, пусть и в формах, наследующих советский опыт. В конечном счете именно через эту гибридную деятельность старшие лидеры конструируют собственную идентичность компетентных амбассадоров активного долголетия и создают новые солидарные среды, наполняя старение деятельными смыслами и ценностью даже в условиях структурных ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева, Елена. 2024. «Российский и европейский опыт реализации концепции активного долголетия». *Успехи геронтологии* 37(5):481–490.
- Воденко, Константин и Сергей Черных. 2015. «Институциональные аспекты структуризации гражданской идентичности в современном российском обществе». *Гуманитарий Юга России* 3:46–53.
- Волков, Юрий. 2012. «Креативный класс versus имитационных практик». *Гуманитарий Юга России* 1:43–58.
- Галкин, Константин. 2022. «Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа». *Экономические и соци-*

- альные перемены: факты, тенденции, прогноз 15(2):239–252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>.
- Гидденс, Энтони. 2005. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.
- Григорьева, Ирина и Елена Богданова. 2020. «Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 12(2):187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.
- Григорьева, Ирина и Олег Келасьев. 2020. «Пожилая российская женщина в местном сообществе: соседи, общественные организации, система жилищно-коммунального хозяйства». *Успехи геронтологии* 33(2):220–227. <https://doi.org/10.34922/AE.2020.33.2.002>.
- Дмитриева, Александра. 2012. «Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества». *Социологический журнал* 2:98–114.
- Калачикова, Ольга, Александра Короленко и Лейла Нацун. 2023. «Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 1:20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>.
- Киенко, Татьяна, ред. 2022. *Расширение возможностей («empowerment») людей старшего возраста в практиках самоорганизации и активности*. Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования».
- Киенко, Татьяна, Мария Певная и Наталья Птицына. 2022. «Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки* 1(65):89–98. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_89.
- Киселев, Игорь, Елена Михайлова и Анна Смирнова. 2025. «Изучение страхов выхода на пенсию и старения у пожилых (на примере исследования в Ярославской области)». *Социологические исследования* 4:46–60. <https://doi.org/10.31857/S0132162525040049>.
- Козачок, Дарья, Марина Корнилова и Владимир Каменских. 2024. «Самоорганизация старших как системообразующий фактор активного долголетия». *Дискурс* 10(6):40–60. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60>.
- Козырева, Полина и Александр Смирнов. 2017. «Российские пенсионеры в условиях кризиса». *Социологические исследования* 1:64–73.
- Левада, Юрий. 2011. *Сочинения. Проблема человека*. М.: Карпов Е. В.
- Носкова, Антонина и Елена Кузьмина. 2024. «Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований)». *Социологическая наука и социальная практика* 12(2):78–101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>.
- Олимпиева, Ирина. 2003. «Постсоветские гетерархии: трансформация крупных научных организаций в период экономических реформ». *Журнал социологии и социальной антропологии* 6(3):106–121.
- Парфенова, Оксана и Константин Галкин. 2023. «Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия». *Журнал социологии и социальной антропологии* 26(1):200–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>.
- Плюснин, Юрий. 2022. «Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств». *Журнал социологии и социальной антропологии* 25(3):58–90. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.3>.
- Романович, Илья. 2021. «Теория структуризации и социальная работа». *Russian Economic Bulletin* 4(1):72–76.
- Серто, Мишель де. 2013. *Изобретение повседневности*. Том 1, *Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Синявская, Оксана и Анна Червякова. 2022. «Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия?» *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 5:94–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043>.

- Флорида, Ричард. 2005. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Издательский дом «Классика-XXI».
- Фролова, Елена и Вероника Маланина. 2021. «Индекс активного долголетия в регионах Сибири». *Экономика региона* 17(1):209–222.
- Ярская-Смирнова, Валентина и Светлана Григорьева. 2023. «Культура старения в современной темпоральности: дискурс социального служения». *Вестник Поволжского института управления* 23(5):36–44. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-5-36-44>.
- Ярская-Смирнова, Елена и Дарья Присяжнюк. 2025. «Серебряная экосистема образования в интересах старшего поколения». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология* 25(1):168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>.
- Active Ageing: A Policy Framework*. 2002. Geneva: World Health Organization. <https://iris.who.int/handle/10665/67215>.
- Bourdieu, Pierre. 1986. "The Forms of Capital." Pp. 241–258 in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by John G. Richardson. New York: Greenwood Press.
- Braun, Virginia, and Victoria Clarke. 2006. "Using Thematic Analysis in Psychology." *Qualitative Research in Psychology* 3(2):77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp0630a>.
- Bredewold, Femmianne, Loes Verplanke, Thomas Kampen, Evelien Tonkens, and Jan Willem Duyvendak. 2020. "The Care Receivers Perspective: How Care-Dependent People Struggle with Accepting Help from Family Members, Friends and Neighbours." *Health & Social Care in the Community* 28:762–770. <https://doi.org/10.1111/hsc.12906>.
- Breitinger, Florian, Janna Protzak, and Rebecca Wiczorek. 2015. "Conceptualizing Everyday Mobility of Older People as Basis for the Development of a Pedestrian Assistance System." *Studies in Health Technology and Informatics* 217:935–940. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-566-1-935>.
- Cheng, Yang, Ruiqing Guang, Xinxin Sun, David Phillips, and Mark Rosenberg. 2023. "Provision and Utilisation of Community Care Services in Beijing, China." *China Perspectives* 134:19–29. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.15719>.
- Erol, Pelin Önder. 2015. "Political Agency at Older Ages in Turkey." *Illness, Crisis & Loss* 25(3):214–231. <https://doi.org/10.1177/1054137315610031>.
- Giddens, Anthony. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Greenhalgh, Trisha, and Rob Stones. 2010. "Theorising Big IT Programmes in Healthcare: Strong Structuration Theory Meets Actor-Network Theory." *Social Science and Medicine* 70(9):1285–1294. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.12.034>.
- Hughes, Gemma, Sara E. Shaw, and Trisha Greenhalgh. 2022. "Why Doesn't Integrated Care Work? Using Strong Structuration Theory to Explain the Limitations of an English Case." *Sociology of Health & Illness* 44(1):113–129. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.13398>.
- Lindberg, Jens, and Anna Sofia Lundgren. 2019. "Positioning the Ageing Subject: Articulations of Choice in Swedish and UK Health and Social Care." *Policy Studies* 42(3):289–307. <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1599839>.
- Martynova, Liliya. 2023. "The Moscow Longevity Project: Possibilities to Improve Senior Well-Being and Paths for Further Research." *International Journal of Care and Caring* 7(1):192–197. <https://doi.org/10.1332/239788221X1669811615346>.
- Putnam, Robert D. 1995. "Bowling Alone: America's Declining Social Capital." *Journal of Democracy* 6(1):65–78.
- Sewell, William H., Jr. 1992. "A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation." *American Journal of Sociology* 98(1):1–29. <https://doi.org/10.1086/229967>.
- Stones, Rob. 2001. "Refusing the Realism—Structuration Divide." *European Journal of Social Theory* 4(2):177–197. <https://doi.org/10.1177/13684310122225064>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАНТОВ (ВОЗРАСТ, ПОЛ, СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА, СТАТУС, МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА)

- И1. 65, ж., городской совет ветеранов, лидер, Ивановская обл.
- И2. 75, ж., самоорганизованная группа взаимопомощи, активист, Ивановская обл.
- И3. 66, ж., СОНКО, лидер, Свердловская обл.
- И4. 67, ж., СОНКО, лидер, Свердловская обл.
- И5. 65, ж., СОНКО, лидер, Свердловская обл.
- И6. 67, ж., сельский женсовет, лидер, Свердловская обл.
- И7. 70, ж., социальное служение в храме, активист, Свердловская обл.
- И8. 67, ж., инициатива создания авторских сказок, лидер, Ханты-Мансийский автономный округ
- И9. 65, ж., туристический клуб, лидер, Свердловская обл.
- И10. 60, ж., Корпус серебряных волонтеров, активист, Республика Удмуртия
- И11. 73, м., Совет ветеранов пограничных войск, лидер, Свердловская обл.
- И12. 68, ж., религиозная благотворительная организация, активист, Свердловская обл.
- И13. 66, ж., ТОС, активист, Свердловская обл.
- И14. 65, м., самоорганизованная практика изобретательства, лидер, Ростовская обл.
- И15. 74, м., общественная организация областное объединение многодетных семей, лидер, Ростовская обл.
- И16. 70, м., художественная выставка при поддержке дома-интерната для престарелых и инвалидов, лидер, Ростовская обл.
- И17. 88, м., самоорганизованная практика музыкальных посиделок в доме-интернате для престарелых и инвалидов, лидер, Ростовская обл.
- И18. 66, ж., ТОС, лидер, Ростовская обл.
- И19. 65, ж., самоорганизованная практика здоровьесбережения, СОНКО, лидер, Ростовская обл.
- И20. 75, ж., самоорганизованное сообщество мастеров, активист, Ростовская обл.
- И21. 65, ж., медиа-активист, лидер, Ростовская обл.
- И22. 68, ж., «Университет третьего возраста» ЦСО, активист, Ростовская обл.
- И23. 76, ж., совет ветеранов, лидер, сельское поселение, Ростовская обл.
- И24. 83, м., руководитель творческого коллектива, лидер, Республика Калмыкия
- И25. 70, ж., социальное служение в храме, активист, Краснодарский край
- И26. 68, ж., православный центр при храме, активист, Ростовская обл.

AMBASSADORS OF ACTIVE AGING: ANALYSIS OF AGENCY OF OLD-AGE LEADERS AND ACTIVISTS IN THE OPTICS OF STRUCTURATION THEORY

Margarita Astoyants, Tatyana Kienko

Margarita Astoyants, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Russia. mastoyanc@sfedu.ru.

Tatyana Kienko, Institute of Philosophy, Social, and Political Studies, Southern Federal University, Russia. tschienko@sfedu.ru.

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation No. 26-18-00384 (<https://rscf.ru/project/26-18-00384>) at the Southern Federal University.

Despite systemic efforts to promote active aging policy in Russia, the level of public participation of a significant part of older Russians remains low. The article reveals the role of leaders and activists of social participation practices who belong to the older generation as ambassadors of active longevity, translating its constructs into actual everyday practices. The purpose of the study is to identify the mechanisms of interaction of these activists with social institutions in the framework of Anthony Giddens's structuration theory and its modern interpretations (e.g., William H. Sewell Jr. and Rob Stones). A deductive thematic analysis of 26 in-depth interviews with leaders and activists of social practices from different regions of Russia aged 65 and older revealed a complex dialectic of the interaction of agency and structures. State institutions act as a source of both restrictions and support. Leaders do not enter into conflict with structures, preferring a strategy of pragmatic compromise and "completing" formal systems through creative practices. Inequality in access to resources paradoxically stimulates the agency and mobilization of alternative assets (volunteering, barter, social capital). The agency of senior activists is manifested in creative adaptation and "settling in" rather than the destruction of structures. As ambassadors of active longevity and the "creative class," they use, reproduce, and transform social structures, constructing new models and meanings of aging.

Keywords: Older Russians; Social Activity; Agency; Structuration Theory; Structuring; Active Aging; Old-Age Leaders and Activists

REFERENCES

- Active Ageing: A Policy Framework*. 2002. Geneva: World Health Organization. <https://iris.who.int/handle/10665/67215>.
- Bourdieu, Pierre. 1986. "The Forms of Capital." Pp. 241–258 in *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by John G. Richardson. New York: Greenwood Press.
- Braun, Virginia, and Victoria Clarke. 2006. "Using Thematic Analysis in Psychology." *Qualitative Research in Psychology* 3(2):77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>.
- Bredewold, Femmianne, Loes Verplanke, Thomas Kampen, Evelien Tonkens, and Jan Willem Duyvendak. 2020. "The Care Receivers Perspective: How Care-Dependent People Struggle with Accepting Help from Family Members, Friends and Neighbours." *Health & Social Care in the Community* 28:762–770. <https://doi.org/10.1111/hsc.12906>.
- Breitinger, Florian, Janna Protzak, and Rebecca Wiczorek. 2015. "Conceptualizing Everyday Mobility of Older People as Basis for the Development of a Pedestrian Assistance System." *Studies in Health Technology and Informatics* 217:935–940. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-566-1-935>.
- Certeau, Michel de. 2013. *Izobretenie povsednevnosti*. Vol. 1, *Iskusstvo delat'*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Cheng, Yang, Ruiqing Guang, Xinxin Sun, David Phillips, and Mark Rosenberg. 2023. "Provision and Utilisation of Community Care Services in Beijing, China." *China Perspectives* 134:19–29. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.15719>.
- Dmitrieva, Aleksandra. 2012. "Sotsial'noe vkluchenie/iskliuchenie kak printsip struktural'skii sovremennogo obshchestva." *Sotsiologicheskii zhurnal* 2:98–114.
- Erol, Pelin Önder. 2015. "Political Agency at Older Ages in Turkey." *Illness, Crisis & Loss* 25(3):214–231. <https://doi.org/10.1177/1054137315610031>.
- Florida, Richard. 2005. *Kreativnyi klass: Liudi, kotorye meniaiut budushchee*. Moscow: Izdatel'skii dom "Klassika-XXI."

- Frolova, Elena, and Veronika Malanina. 2021. "Indeks aktivnogo dolgoletii v regionakh Sibiri." *Ekonomika regiona* 17(1):209–222.
- Galkin, Konstantin. 2022. "Sotsial'naia politika aktivnogo dolgoletii v Rossii i gosudarstvakh vseobshchego blagosostoianiia Evropy: Opyt sravnitel'nogo analiza." *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Fakty, tendentsii, prognoz* 15(2):239–252. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>.
- Giddens, Anthony. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens, Anthony. 2005. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii struktural'stii*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Greenhalgh, Trisha, and Rob Stones. 2010. "Theorising Big IT Programmes in Healthcare: Strong Structuration Theory Meets Actor-Network Theory." *Social Science and Medicine* 70(9):1285–1294. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.12.034>.
- Grigoryeva, Irina, and Elena Bogdanova. 2020. "Kontseptsii aktivnogo starenii v Evrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 12(2):187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.
- Grigoryeva, Irina, and Oleg Kelas'ev. 2020. "Pozhilaia rossiiskaia zhenshchina v mestnom soobshchestve: Sosed'i, obshchestvennye organizatsii, sistema zhilishchno-kommunal'nogo khoziaistva." *Uspekhi gerontologii* 33(2):220–227. <https://doi.org/10.34922/AE.2020.33.2.002>.
- Hughes, Gemma, Sara E. Shaw, and Trisha Greenhalgh. 2022. "Why Doesn't Integrated Care Work? Using Strong Structuration Theory to Explain the Limitations of an English Case." *Sociology of Health & Illness* 44(1):113–129. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.13398>.
- Iarskaia-Smirnova, Valentina, and Svetlana Grigorieva. 2023. "Kul'tura starenii v sovremennoi temporal'nosti: Diskurs sotsial'nogo sluzheniia." *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* 23(5):36–44. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2023-5-36-44>.
- Iarskaia-Smirnova, Elena, and Daria Prisyazhnyuk. 2025. "Serebrianaia ekosistema obrazovaniia v interesakh starshego pokoleniia." *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Sotsiologiya* 25(1):168–181. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-168-181>.
- Kalachikova, Olga, Aleksandra Korolenko, and Leila Natsun. 2023. "Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniia aktivnogo dolgoletii." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 1:20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>.
- Kienko, Tatyana, ed. 2022. *Rasshirenie vozmozhnostei ("empowerment") liudei starshego vozrasta v praktikakh samoorganizatsii i aktivnosti*. Rostov-on-Don, Russia: OOO "Fond nauki i obrazovaniia."
- Kienko, Tatyana, Maria Pevnaya, and Natal'ia Ptitsyna. 2022. "Praktiki samoorganizatsii i sotsial'noi aktivnosti rossiian starshego vozrasta kak rasshiraiaushchie vozmozhnosti ('empowerment') tekhnologii." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serii: Sotsial'nye nauki* 1(65):89–98. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_89.
- Kiselev, Igor, Elena Mikhailova, and Anna Smirnova. 2025. "Izuchenie strakhov vykhoda na pensiiu i starenii u pozhilykh (na primere issledovaniia v Iaroslavskoi oblasti)." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 4:46–60. <https://doi.org/10.31857/S0132162525040049>.
- Kozachok, Daria, Marina Kornilova, and Vladimir Kamenskikh. 2024. "Samoorganizatsiia starshikh kak sistemoobrazuiushchii faktor aktivnogo dolgoletii." *Diskurs* 10(6):40–60. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-6-40-60>.
- Kozyreva, Polina, and Aleksandr Smirnov. 2017. "Rossiiskie pensionery v usloviakh krizisa." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 1:64–73.
- Levada, Yuri. 2011. *Sochineniia. Problema cheloveka*. Moscow: Karpov E. V.
- Lindberg, Jens, and Anna Sofia Lundgren. 2019. "Positioning the Ageing Subject: Articulations of Choice in Swedish and UK Health and Social Care." *Policy Studies* 42(3):289–307. <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1599839>.
- Martynova, Liliya. 2023. "The Moscow Longevity Project: Possibilities to Improve Senior Well-Being and Paths for Further Research." *International Journal of Care and Caring* 7(1):192–197. <https://doi.org/10.1332/239788221X1669811615346>.

- Noskova, Antonina, and Elena Kuzmina. 2024. "Izmeneniia v resursnom potentsiale rossiian starshikh pokolenii (po materialam longitudnykh issledovaniu)." *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika* 12(2):78–101. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.4>.
- Olimpieva, Irina. 2003. "Postsovetские гетерархии: Трансформация крупных научных организаций в период экономических реформ." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 6(3):106–121.
- Parfenova, Oksana, and Konstantin Galkin. 2023. "Sotsial'naia aktivnost' i uchastie pozhilykh rossiian v kontekste aktivnogo dolgoletiiia." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 26(1):200–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>.
- Plusnin, Juri. 2022. "Neformal'naia ekonomika rossiiskoi provintsii: Istochniki resursov i vidy promyslovnykh praktik domokhoziaistv." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 25(3):58–90. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.3>.
- Putnam, Robert D. 1995. "Bowling Alone: America's Declining Social Capital." *Journal of Democracy* 6(1):65–78.
- Romanychev, Ilia. 2021. "Teoriia struktursii i sotsial'naia rabota." *Russian Economic Bulletin* 4(1):72–76.
- Sewell, William H., Jr. 1992. "A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation." *American Journal of Sociology* 98(1):1–29. <https://doi.org/10.1086/229967>.
- Sinyavskaya, Oxana, and Anna Cherviakova. 2022. "Aktivnoe dolgoletie v Rossii v usloviakh ekonomicheskoi stagnatsii: Chto pokazyvaet dinamika indeksa aktivnogo dolgoletiiia?" *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 5:94–121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043>.
- Stones, Rob. 2001. "Refusing the Realism—Structuration Divide." *European Journal of Social Theory* 4(2):177–197. <https://doi.org/10.1177/13684310122225064>.
- Vasil'eva, Elena. 2024. "Rossiiskii i evropeiskii opyt realizatsii kontseptsii aktivnogo dolgoletiiia." *Uspekhi gerontologii* 37(5):481–490.
- Vodenko, Konstantin, and Sergei Chernykh. 2015. "Institutsional'nye aspekty struktursii grazhdanskoi identichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve." *Gumanitarii Iuga Rossii* 3:46–53.
- Volkov, Yuri. 2012. "Kreativnyi klass versus imitatsionnykh praktik." *Gumanitarii Iuga Rossii* 1:43–58.